

ГЛАВА 1

ВОЛКИ

Прошло не менее трёх лет, прежде чем мне удалось нанести на карту тот квадрат, где можно было смело искать Чердынцева. Старик оказался очень серьёзным. На телепатический вызов он не шёл. Дескать, тебя учили, с тобой работали. Вот и крутись, как знаешь! Внутренним взором я видел вытянутое озеро, зажатое между двумя поросшими лиственным лесом хребтами. Озеро немаленькое, слегка подёрнутое лёгким туманом. По берегу его виднелось несколько деревянных лодок, а на краю каменной осыпи стояла сгорбленная старая изба. На этом видение прерывалось. Сколько я ни пытался увидеть нечто большее, все мои усилия были напрасны. Перед внутренним взором вставала одна и та же картина.

«Где это озеро? – терялся я в догадках. – Ясно, что в Восточной Сибири! Об этом красноречиво говорят и холмы, и лиственничный лес. Но таких озёр на гигантской территории от Енисея до Охотского моря, должно быть, тысячи!»

Несколько раз я пытался выйти на загадочное озеро методом исключения. Работал с рамками и маятником. Но путь моему подсознанию преграждал какой-то запрет. Какая-то сила удерживала глубинное, внутреннее от контакта с моим сознанием.

«Что за чертовщина?! – думал я. – Железный непробиваемый блок! Несомненно, этот Чердынцев, или как его там, отлично знает, кто его ищет. Судя по тому, как я толкусь на одном месте, эзотерические возможности у него гигантские. Надо же, умудрился парализовать моё подсознание ещё до того, как я к нему обратился! Что же делать? – размышлял я над сложившейся ситуацией. – Ясно одно, что в таком сложном деле я смогу помочь себе только сам. И если не справлюсь, то на этом мой путь к знанию древних будет закончен».

От такой мысли меня бросало в жар. И я упорно искал выход. Наконец, мне пришла в голову идея снять код со своего инкарнационного глубинного с помощью стихии огня. Очищение я решил провести в дни весеннего равноденствия, в период, когда Солнце-Ярило набирает полную силу. Для этого я сложил во дворе дома довольно большой костёр. И, до-

ждавшись, когда он прогорел, раскидал дышащие жаром угли по кругу. Потом, войдя в изменённое состояние сознания и обратившись к огню как к партнёру и помощнику, я ступил голыми ногами в огненный круг. Пройдя по раскалённым углям несколько метров, я вышел на тротуар и взял в руки рамки. Но рамки и маятник мне не понадобились. Моему внутреннему взору открылась подробная карта Восточной Сибири, где красной огненной точкой светилось то место, которое я так долго искал.

«Ну, вот и всё! – поздравил я себя. – Дело сделано! Осталось туда добраться!»

Как я и предполагал, бывший куратор Курейки никуда с плато Путорана не исчезал. Он просто переехал на другое место. Поселившись у озера в пустынном труднодоступном месте, Чердынцев остался тем, кем он всегда был, – смотрителем севера, хранителем священных мест древних арктов. Только найти его стало намного сложнее.

– Теперь я знаю, где тебя искать! – обратился я мысленно к нему. – Так что жди в гости.

– Ты примитивный балбес! – донеслось до меня из глубины бессознательного. – Придурок! Чтобы снять мою установку, додумался привлечь силу стихии!

– Ну и характер же у тебя! – покачал я головой. – Наверное, там, в горах, ты скоро совсем озвереешь!

– Если до сих пор не озверел, значит, не озвереею, – проскрипел тот же сварливый и неприятный голос. – Жду тебя в сентябре. И без хвостов. Разговор окончен.

– Почему в сентябре? – недоумевал я. – Там же у тебя, уважаемый, в августе холод собачий! Пока до озера доберусь, со здоровьем расстанусь! Там же двести километров сплошной тайги!

– Кретинам здоровье не надобно! – донеслось до меня еле слышным эхом.

«Ну и ну! – почесал я затылок. – Похоже, этот Чердынцев – мужичонка серьёзный. А может, он спятил? С кем не бывает? Но делать нечего: «назвался груздем – полезай в кузов». Придётся готовиться в дорогу. Хотя бы для того, чтобы понять, что у него с головой, – успокаивал я себя. – Этот грубиян на Курейке четыре года общался со Сталиным. Уже потому Чердынцева надо непременно увидеть! Кто-кто, а он должен знать своего бывшего ученика. Мнение его имеет огромную важность. Если, конечно, он ещё в себе».

В середине августа я выехал в Красноярск. Ни чемоданов, ни большой поклажи у меня с собой не было. Весь мой скарб состоял из наполненного продуктами рюкзака, спального мешка, ножа, трёх десятков патронов и маленькой удобной «Сайги» четыреста десятого калибра. Чтобы не так бросаться в глаза, я сбрил бороду и надел тёмные старомодные очки. Добравшись до Красноярска на автобусе, я тут же поймал такси и через несколько минут оказался в Северном аэропорту. Когда-то из «Северного» я не раз летал в Байкит, Туру, Туруханск и Норильск. Здесь всё мне было знакомо. Поэтому, ни к кому не обращаясь, с видом человека бывалого, вразвалочку и не торопясь, я направился к кассам.

«Только бы меня никто здесь не узнал! – думал я в тот момент. Бывшие попутчики, с которыми когда-то в этих стенах мне приходилось сутками дожидаться лётной погоды, сейчас были мне ни к чему. – Что я им скажу? Что продолжаю жить в Байкитском районе? Они, конечно, поймут, что это не так. Добрый десяток лет меня в «Северном» никто не видел. Сказать, что еду в гости к друзьям? Могут спросить: куда – и направиться в попутчики».

Мне не хотелось врать. И вообще, было такое желание, чтобы меня и не узнали, и не увидели. К моему удивлению, в окружной центр билеты в кассе были.

– Вам один на Туру? – переспросила меня кассирша.

– Один, – кивнул я.

– Плохо, – вздохнула девушка. – Пассажиров совсем нет. Рейс могут отменить.

– Что ж, буду ждать, когда рейс всё-таки состоится, – улыбнулся я ей. – У меня нет выбора.

– В крайнем случае, у нас тут есть гостиница...

– Было время, мне приходилось жить в вашей гостинице неделями, – посмотрел я на кассиршу, забирая свой билет. – Так что не привыкать.

«Хуже всего, если рейс отменяют! – заволновался я. – Торчать несколько дней в гостинице сейчас для меня самое последнее дело. Волей-неволей попадётся кому-нибудь на глаза. А это плохо».

С тревожными мыслями я вышел на улицу и, зайдя в сквер, сел на лавочку. До объявления посадки оставалось целых шесть часов! Мне надо было как-то убить время. Наученный прошлым опытом эксплу-

атаки воздушных северных дорог, я всегда клал в свой рюкзак пару нужных мне книг. С одной стороны, за чтением быстро летело время, с другой – была возможность спокойно, неторопливо и с удовольствием почитать. Но не успел я раскрыть книгу, как почувствовал в районе солнечного сплетения «ветер» тревоги. Отложив книгу, я огляделся. Вокруг того места, где я сидел, на расстоянии десяти метров не было ни души. Сунув книгу в рюкзак, я поднялся, но вдруг какая-то внутренняя сила меня резко развернула, и я оказался лицом к лицу с одетым в джинсы и камуфляжную куртку человеком. Лица неожиданного гостя я не разглядел, увидел только его глаза. Они излучали взгляд, полный ненависти и решимости. Доля секунды – и обладатель злобных глаз оказался совсем рядом, а в руках его мелькнули две длинные спицы. Не встань и не повернись я вовремя, удара спицей в затылок мне бы не миновать. Теперь ситуация для нападающего несколько осложнилась. Я его видел и ждал нападения. Сделав несколько виртуозных, быстрых обманных движений, человек в камуфляжной куртке разrazilся серией практически невидимых ударов.

«Если попадёт, мне конец», – пронеслось где-то в сознании.

То, что передо мной был мастер воинского искусства, я понял по первым же его движениям. Уйти от такого шквала ударов было сложно. Особенную трудность представляло удержание противника на дистанции. Буквально улетев с линии атаки, я, наконец, сумел разглядеть лицо незнакомца. Передо мной был человек другой расы.

«Так ты, оказывается, китаец или кто-то в этом роде? – оценивая взглядом своего противника, удивился я. – Непонятно, откуда у тебя ко мне такая ненависть? Может, с кем-то перепутал?»

Сотую долю секунды кореец или монгол исподлобья вглядывался в меня, потом его тело мгновенно превратилось в крутящийся волчок. Удары рук и ног бешеным шквалом снова понеслись в мою сторону. Когда-то на занятиях воинским искусством мой наставник много раз повторял:

– Мы не пользуемся догматическими стойками, Гор, мы быстро двигаемся. Именно от скорости нашего движения зависит победа. Чем ты быстрее передвигаешься, тем ты сильнее. Помни это.

И хранитель гонял меня палкой, а иногда и кнутом до полного изнеможения, заставлял уходить с линии атаки на немислимых скоростях. И вот сейчас эта школа мне пригодилась. Не будь её, через секунду-две мне бы пришёл конец. Наконец, уловив начало новой атаки, я сделал «вход».

«Только бы тебя коснуться! – думал я в то мгновение. – Провалишься – тебе конец».

И нападающий провалился. Провалился на тысячную долю секунды. Но этого было достаточно, чтобы моя левая рука, обойдя по кругу, обрушилась на его висок. Тем временем правая, захватив руку клином ладони, ударила по кончику носа. Теперь можно было нанести сколько угодно ударов. Но я, отскочив в сторону, огляделся. Холодок в солнечном сплетении подсказывал, что противник не один, с ним ещё кто-то есть. И я не ошибся. Из-за куста сирени на площадку перед скамейкой выпрыгнул ещё один представитель жёлтой расы. На вид он был старше первого, коренастый, крепкий, в такой же камуфляжной куртке, но без спиц или другого оружия. Мельком взглянув на меня (причём в его взгляде я не уловил никакой злобы, а напротив, уважительное удивление), он наклонился над лежащим на асфальте соплеменником и, поставив его на ноги, повёл к стоящей в ста шагах от нас иномарке. Вся эта сцена пронеслась секунд за двадцать, не больше. Поэтому немногочисленные прохожие почти ничего и не увидели. Ещё раз взглянув на удаляющихся странных монголов или китайцев, я поднял оставленную ими на асфальте острую спицу.

«Надо бы взять на память, – решил я. – На память о чём? Что не погиб, чудом остался жив? Кому-то я наступил на большую мозоль, но кому? Да ещё здесь, в Красноярске? То, что нападение случилось не просто так, мне было понятно. Но что я сделал иностранцам?»

Что эти двое не из России, а откуда-то с востока, я чувствовал, что называется, шкурой.

«Ну и дела», – размышлял я над случившимся.

Чтобы сделать из меня неплохого воина, старый кондинский ведун потратил два года. Потом я много лет занимался самостоятельно. И, видно, всё это было не напрасно.

«Но что за стиль был у нападающего? Я никогда ничего подобного не видел. Он проиграл только потому, что не понял принципа моего оружия. Будь на моём месте восточник, вряд ли он бы выжил».

Накинув на плечи рюкзак и взяв другие свои вещи, я направился в здание аэропорта.

«На людях, скорее всего, снова не посмеют напасть, – рассуждал я. – Хорошо бы встретить кого-нибудь из старых знакомых, – подумал я прямо противоположное недавним мыслям. – Как-нибудь отговорюсь. Скажу, что еду по делам. На самом деле, ведь так оно и есть».

Но среди ожидающих свои рейсы пассажиров никого из старых знакомых не нашлось. Годы сделали своё дело: кто-то состарился, кто-то, как и я, с севера уехал. Все шесть часов я отсидел в одиночестве у стены, прикрывшись книгой. Интуиция подсказывала, что сегодня рейс на Туру обязательно будет и, что самое главное, за мной никто не следит. И она меня не обманула. В этот же день я оказался на берегах Нижней Тунгуски. В посёлке решил не светиться. Выйдя из самолёта и намеренно отстав от попутчиков, я свернул в сторону леса. И через несколько минут оказался под защитой молодых пушистых лиственниц.

«Наконец-то в своей стихии, – засмеялся я про себя. – Скорее надеть бы на ноги сапоги-сорокоходы, на пояс – охотничий нож, в руки – заряженную «Сайгу», и вперёд! Уже вечер, надо найти место для своего первого ночлега. Лучше где-нибудь у ручья или на берегу самой Тунгуски».

Через час между камней у небольшого ручья в сотне метров от реки вспыхнул первый походный костёр.

«Сколько лет я не был в этих местах, а как будто бы и не уезжал. Эвенкия – прекрасный край! Горные бурные реки, лиственничные и сосновые леса, добрый, умный и талантливый народ. Когда-то я полюбил эту землю. И вот теперь я снова здесь и, похоже, до самой зимы, а может, и до весны, как повезёт. Но теперь важно, чтобы обо мне никто здесь не знал. Так надо. Что ж, придётся оставаться инкогнито, – посмеялся я над перспективой отверженного бродяги. – Главное, не встретиться в тайге с людьми. Маршрут знаю, с дороги не собьюсь», – размышлял я о том, что ждёт меня в будущем.

Спустя некоторое время, мои мысли снова перенеслись к тому, что я пережил в Северном аэропорту Красноярска. Нападение странных людей не укладывалось ни в какую логику.

«Что это были за люди? Откуда они? Как эти китайцы или корейцы меня вычислили? Кто за ними стоит? Интуиция подсказывала, что тут дело не в «богоизбранных». В ком-то другом. Значит, на Земле существует ещё одна неизвестная мне сила. Сила, которая предпочитает убивать не техникой, а банально руками».

Раздумывая над этим вопросом, я достал из рюкзака обронённую нападающими спицу и стал внимательно её изучать.

«Стальная, кованая со складной ручкой. В умелых руках страшное оружие! Хорошо, я увидел эти шпильки и удержал дистанцию...

Спасибо тебе, дедушка, что ты начал меня тренировать с двух лет! Спасибо и тебе, ведун, что на тренировках сгонял с меня по десять потов! Не будь вас, мне бы сегодня не жить. Вы как будто знали, что такое может случиться», – поклонился я мысленно своим наставникам по воинскому искусству.

Радовало одно, что кроме масонов, иллюминатов и хабада, теперь мне известна на Земле ещё одна страшная сила. На этот раз не западная, а восточная. Сколько раз мне твердил мудрый еврей-отступник Солганик дядя Ёша, что Запад и Восток между собой связаны. И эта связь существует тысячи лет! И на Западе, и на Востоке тайные общества делают одно и то же дело. Служат одной сатанинской идее.

«Судя по тому, что я пережил, ты был абсолютно прав, незабвенный дядя Ёша! Вот и настал тот момент, когда мне пришлось с этой силой столкнуться. А кто она такая, можно выяснить только у Чердынцева. Он наверняка должен знать, – сделал я для себя заключение. – Следовательно, надо как можно скорее найти этого грубияна. Зачем-то он меня к себе позвал. Значит, моё образование далеко не окончено. Возможно, основной его этап ещё и не начинался, – почесал я себе затылок. – Прав был кондинский отшельник, когда утверждал, что накопление знаний – процесс бесконечный. Что он продолжается у нормального человека в течение всего его воплощения. Но если заниматься только получением знаний и ничего больше не делать, человечество погибнет! Оно будет развитым, очень умным, способным многое понять, но беззубым, не умеющим себя защитить. Значит, надо торопиться действовать. Для этого необходимо знать и понимать самое главное. Но судя по произошедшему, курс ликбеза я ещё не окончил. Не я нужен Чердынцеву, а он мне. И нужен он мне позарез! – заключил я, укладываясь на расстеленный спальник. – Плохо, что со мной нет собаки. Дорога дальняя, без четвероногого друга человеку в тайге всегда неудобно. Что ж, придётся поставить на страже своё подсознание. Оно может предупредить о приближении опасности. Плохо то, что оно не укажет, на каком расстоянии враг, кто он и в каком составе явился. Но это уже несущественно», – подумал я, засыпая.

Холодный северный ветер успел избавить тайгу от гнуса. Ни комаров, ни мошки в лесу не было. Поэтому я спокойно проспал почти до рассвета. Открыл я глаза от нестерпимого холода. Костёр

мой давно погас, но вновь разводить огонь я не стал. Наскоро позавтракав, я накинул на плечи рюкзак и, взяв в руки заряженную пулями «Сайгу», двинулся по намеченному маршруту. Судя по карте, мне надо было пройти около двухсот километров. В действительности же при движении по таёжным тропинкам расстояние могло удвоиться. Чтобы такого не произошло, важно было делать как можно меньше обходных манёвров. Но идти по горной тайге напрямик – дело не из лёгких. На моём пути попадались бесконечные каменные осыпи, затяжные спуски и долгие изнурительные подъёмы. И всё это приходилось преодолевать. Кроме того, надо было идти между стволами сосен, по зарослям пихтового и кедрового стланика, по березнякам и бесконечным лиственничным борам. Но самым тяжёлым препятствием на пути становились так называемые харальгоны. На местном наречии – заросшие карликовой берёзкой, длинные и, как назло, довольно широкие пади. Чтобы прорваться через харальгон, требуются и сноровка, и немалое время. Сплошную берёзовую поросль, где двигаться практически невозможно, стараются обходить и сохатые, и олени. Зарослей карликовой берёзки не боятся одни росомахи. Обладая недюжинной силой, они умудряются проламываться через неё подобно таранам. Мне же приходилось бороться с этой бедой часами, прорубаясь сквозь заросли охотничьим ножом, а иногда даже топором. Как правило, пройдя падь, заросшую карликовой берёзкой, я так выматывался, что буквально валился с ног. Добравшись, наконец, до лиственничного или соснового бора, я сбрасывал с себя рюкзак и, чтобы поскорее остыть и обсохнуть, ложился на землю. В такие минуты сердце колотилось как бешеное. Казалось, что оно способно заглушить звуки окружающей природы. К концу второго дня пути, преодолев очередной харальгон, я лежал, положив голову на каменную плиту, и смотрел на синее безоблачное осеннее небо. Над моей головой по лиственничному сухостою бегал поползень. Он с нескрываемым любопытством меня разглядывал. По его поведению было видно, что птица человека видит впервые, и она сгорает от любопытства. Через пару секунд бойкая, смелая птица приблизилась ко мне совсем близко. Ещё немного, и она оказалась на рюкзаке и занялась изучением моей куртки.

– Вижу, ты совсем расхрабрился! – обратился я к бегущему ко мне поползню. – А вдруг я окажусь твоим врагом?

– Ты не враг, – пискнула птичка, отлетев на пару метров.

– Что же ты меня тогда боишься?

– Так, на всякий случай, – перелетел на соседнее дерево поползень.

– И правильно делаешь, – улыбнулся я ему. – Подобные мне, тебе не враги, но есть другие люди, их надо бояться, они могут оказаться и врагами.

– Он знает наш язык! Знает язык птиц! – удивлённо запищал поползень.

Но тут его писк заглушил отдалённый волчий вой. Подняв голову, я прислушался. Матёрый волк оповещал стаю о том, что по тайге напрямик идёт вооруженный человек. И его надо бояться. Вся эта информация была упакована в интонацию одного непрерывного звука.

«Вот и хорошо, – подумал я про себя. – Со мной в этом походе нет собаки. Но её роль могут сыграть волки».

Поднявшись на ноги и набрав воздуха в лёгкие, я по-волчьи завыл.

«Не бойтесь, – обратился я к матёрому на его языке. – Не враг я, а такой же, как вы, только человек...»

Я ждал ответ, но его сразу не последовало. Очевидно, волки растерялись. Человек, свободно общающийся на их языке! Такое поведение, естественно, зверей шокировало. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем я услышал новый вой. На этот раз он прозвучал ближе.

«Почему ты, человек, называешь себя волком?» – спросил меня матёрый.

«Потому, – ответил я ему, – что живу, как и вы, не по законам человеческой стаи, а по законам окружающего нас мира».

Волк не ответил. Я поднял свой рюкзак, взял в руки «Сайгу» и не торопясь пошёл по лиственничному бору. Теперь дорога моя лежала к берегу Туры.

«Тура! – думал я, – опять арийское название. Переводится как «солнечная река». А если читать наоборот, то выходит распространённое в Армении имя Арут. И там, и там – чёткие бореальские рамки».

Через пару часов я вышел на впадающий в реку ручей и, идя вдоль него, вскоре оказался на берегу Туры. Здесь я решил сделать привал на ночь. Место было удобное. Рядом плескалась вода. С севера мой будущий бивак прикрывали огромные камни, а вокруг валялось множество сушняка. Сбросив рюкзак, я быстро натаскал дров и, на всякий случай, поставив над спальником брезентовый тент, занялся рыбной ловлей. В рюкзаке у меня хранился портативный разборный спиннинг.

Собрать его – дело нескольких минут. Всего через полчаса под ногами у меня валялась дюжина крупных ленков. Когда я взялся за разведение костра, со стороны леса опять раздался волчий вой.

– Если тебе нужна помощь, странный человек-волк, мы готовы тебе помочь, – пробасил матёрый.

– Я, как и вы, опасаясь двуногих из человеческой стаи, – ответил я ему на его языке. – Если появятся на моей тропе люди, предупредите, а после того, как я уйду, заберите мою добычу.

Волки мне не ответили, но я знал, что их молчание означает согласие.

«Теперь можно спать спокойно, – улыбнулся я про себя. – Эти лохматые парни не подведут. Они проводят меня до самых озёр. Из всех пойманных рыбин мне не осилить и двух, – посмотрел я на свой улов. – Остальными пусть позавтракают мои новые друзья».

Я быстро поджарил на углях свой ужин и после крепкого чая забрался в спальник. Наконец, я спал не настороженно, а полностью расслабившись, точно так же, как дома. Поднял меня свет утренней зари. Выбравшись из спальника, я разобрал свой бивак. Сложил вещи и, отойдя с полсотни метров от своего ночлега, обернулся. Недалеко от того места, где я недавно спал, стоял огромный матёрый волк. Он спокойно, без страха изучал человека. В это же время рядом с ним три переряка, опустив головы, обнюхивали оставленных мною рыбин. На секунду наши глаза встретились.

– Удачи тебе, странник леса! – кивнул я ему.

Волк, в свою очередь, тоже наклонил лобастую голову.

«Вот и познакомились! – сказал я себе, подымаясь от реки в гору. – И действительно, среди дикой природы ближе, чем волк, у человека никого нет. Волк – единственный зверь, который способен понять нас, людей, и наверное, благодаря этому, он и выжил».

Наконец, привязавшись к местности, я достал карту и по ней рассчитал пройденное расстояние. Оказывается, за три дня я преодолел совсем немного – всего-навсего пятьдесят километров, а это меньше трети пути. Осознание этого подействовало удручающе.

«Горы есть горы, – успокаивал я себя. – По ним не разбежишься».

Но берегом реки идти мне не хотелось. По Туре, или по-местному, Туру, хоть и редко, но проносились лодки. Значит, рядом с ней можно натолкнуться на людей. Мне же хотелось добраться до скита Чердынцева незамеченным. По этой причине я снова двинулся напрямик,

хотя прямой путь по заросшим тайгой горам оказывался в два раза длиннее, чем путь по берегу. В дороге незаметно пролетел ещё один день. На этот раз свой бивак я разбил не на реке, а на берегу небольшого горного ручейка. Я достал консервы и тут вспомнил про своих новых друзей – волков.

«Наверняка они где-то рядом. К тому же я своей просьбой мог нарушить их планы, – размышляя я. – Может, сбегать на реку, натаскать ленков и хариусов? Тут, должно быть, не так далеко, километра три, не больше».

Взглянув на небо и прикинув, хватит ли у меня времени, я отправился на реку. До Туры оказалось ближе, чем я думал. Спустившись по ручью, я вскоре вышел на её берег.

«Фактически, весь день я шёл параллельно реке, – отметил я про себя. – Но не слышал ни одного мотора. Значит, эти места людьми почти не посещаются, – такое открытие меня порадовало. – Теперь можно особо и не прятаться, местных рыбаков в этих местах почти нет. Тем более, что сейчас ещё не сезон».

Но не успел я собрать свой спиннинг, как ниже по реке услышал еле различимый гул лодочного мотора.

«Несёт же кого-то нелёгкая, – подумал я про себя. – Почти сто километров от посёлка, а всё равно катаются».

Но, к моей радости, мотор вскоре заглох, и я о нём забыл. В этом месте река буквально кишела рыбой, за пятнадцать минут я натаскал кучу мясистых ленков и поймал даже одного небольшого тайменя! Рыбалка удалась на славу. Пора было возвращаться в лагерь. И тут я вспомнил о том самом моторе. Что-то в его звуке мне показалось «не таким». Проанализировав ситуацию, я понял, что его звук меня встревожил.

«Либо в одиночестве я совсем одичал, либо подсознание что-то хочет мне сказать. Что ж, время покажет, – сделал я философское заключение. – Волки, конечно, друзья, но как говорят: «на Бога надейся, а сам не плошай».

Я развёл костёр, снова установил тент и задумался. Еда в рот не шла. Внутреннее чутьё меня никогда не обманывало. Появившийся холодок в области солнечного сплетения говорил об опасности. Без сомнения, она связана с гулом лодочного мотора, теперь я знал это твёрдо.

«Но кто мог меня отследить? – думал я. – Неужели всё началось с Красноярска? Может, мною заинтересовалась ФСБ? Рядом с Турой расположен большой, предназначенный для посадки военных самолётов, аэродром. И я как новый человек привлёк к себе внимание? Нет, тут дело не в аэродроме, – отогнал я нелепую мысль. – Что-то другое. Государственной конторы здесь быть не может. Похоже, меня пытаются отследить, и отследить аккуратно, только не учли моей интуиции. Но как им удалось выйти на след и вычислить мой маршрут? Ведь я шёл, не разбирая дороги, и по таким крепям?! Одни харальгоны чего стоят! Может, в моей амуниции спрятан «жучок»?»

Внутренним взором я осмотрел всю свою одежду, но ничего подозрительного не нашёл.

«Значит, не обошлось без охотника-следопыта, – сделал я заключение. – Может и без собаки не обошлось, только не охотничьей, а служебной. Если так, то получается, что те, кто идут за мной по следу, связаны с милицией? Но зачем моя персона нужна местной охране? Я же не преступник. И как им удалось убедить начальника устроить за мной погоню? Это не просто слежка, здесь явно погоня, и мотор – тому подтверждение. Уловив направление моего маршрута, они прибегли к технике. Каким-то образом убедились, что я иду тем же путём, а теперь сокращают расстояние на лодке. Ладно, утро вечера мудренее, – отбросил я грустные мысли. – Они ещё далеко. Сейчас ночь, по тайге к моему биваку не пробраться, а завтра я что-нибудь придумаю».

Немного успокоившись, я вскипятил чай, поел и, дождавшись, когда погаснет костёр, забрался в свой спальник.

«Надо пораньше встать и в темноте добраться по ручью до Туры, а потом, держа на слуху реку, уйти по воде как можно дальше, – обдумывал я план на завтра. – Эти ребята ушлые, они найдут мой след, но на это уйдёт время. Плохо то, что они поймут, что я догадался о преследовании. И поэтому станут ещё осторожнее», – подумал я, засыпая.

Проснулся я от унылого волчьего воя. Вой раздался совсем рядом от моего убежища. И я понял, что надо торопиться. Вскочив на ноги, я взглянул на часы. Было около двух ночи. Проспал я всего три часа.

– По твоему следу идут два человека и большая собака, торопись, человек-волк! – раздался бас матёрого.

– Спасибо! – отозвался я тихим воем.

Бросив в рюкзак две рыбины, я накинул его на плечи и взял в руки «Сайгу».

– Я оставил вам рыбу, братья, – подал я голос в темноту леса. – Она для вас, а не для наших врагов.

– Мне не голодно, – провыл матёрый. – Но рыбу собаке не оставим.

«Вот и хорошо, – подумал я про себя. – Пусть побегают за мной по тайге голодными. Это полезно! До чего же молодцы, серые братья! Вовремя они меня разбудили! Значит, преследователи направились к моему биваку ночью. А я считал, что на такое они не пойдут. Значит, догадка верна: по моим следам идёт охотник-следопыт. Дело крайне усложнилось. Но ничего. Сегодня им мой след не найти! Но что делать дальше? Они ведь не отстанут, – размышлял я, шагая по руслу маленькой речушки. – Не вести же их к озёрам. Может, как раз это им и надо? Понять, куда я направился. Знать бы, кто они? Наверняка, из красноярской масонской ложи или из местного её филиала... Тогда я имею дело с непримиримыми врагами. Может, их всех перестрелять? Или устроить охоту на собаку и на местного проводника? Но ни собаку, ни, тем более, человека мне убивать не хотелось. Понятно, что проводнику внушили, что он преследует преступника. Вот он и старается, а собака – вообще подневольное животное. Что же делать?» – думал я над созданным положением.

Через четверть часа я оказался в тугих струях Туру.

«Куда теперь, вниз или вверх? Если идти вверх, значит, ещё раз подтвердить своё намерение добраться до озёр. Рано или поздно они найдут мой след, и это будет катастрофой. Значит, надо спуститься вниз, – сделал я заключение. – Хорошо бы найти их лодку и посмотреть, что это за люди. Но днём на реке я, как на ладони. Вывод один – надо добраться до лодки, пока темно. Благо, у меня есть время».

И я медленно и осторожно пошёл по воде туда, где должна была находиться лодка преследователей. Прошло не менее трёх часов, прежде чем в предутреннем мареве я заметил силуэт вытасченной на берег «Казанки». На лодке стоял обычный «Нептун». В носу её лежали какие-то вещи, а на берегу рядом с ней у каменной плиты стояли два больших рюкзака. Из одного выглядывали какие-то свёртки.

«Очевидно, продукты, – подумал я. – Похоже, собирались основательно».

Интуиция подсказывала, что хозяева ещё далеко, и я решил сделать в укромном месте засаду. Но тут мне пришла в голову идея: снять с

мотора свечи и забрать из ящика с инструментами запасные. Через две минуты дело было сделано.

«Пусть теперь попробуют без свечей! По течению вниз они доплывут с ветерком! Но вверх по реке дорога им заказана!» – радовался я своей хитрости.

Разглядев в сорока-пятидесяти шагах от лодки пару удобных валунов, я снова спустился в воду и, дойдя до них, устроил свой пункт наблюдения. Уже светало. Мне были хорошо видны и река, и усыпанный камнями, поросший мелкой лиственницей берег.

«Терпение и труд всё перетрут», – вспомнил я любимую поговорку отца.

В данный момент от меня требовалось одно терпение. Прошло не менее двух часов, прежде чем я почувствовал, что на берегу, недалеко от меня, появились непрошенные гости. Они стояли в кустах и внимательно изучали берег.

«Поняли, что я их обнаружил, опытные», – оценил я поведение противников.

Спустя десять минут, из прибрежных кустов к тому месту, где стояли рюкзаки, наперевес с двустволкой вышел один из преследователей. Я внимательно его рассмотрел. Это был человек лет пятидесяти, по виду эвенок. Одет он был в обычную походную куртку и резиновые сапоги.

«Этот – не враг, просто обманутый человек, – сделал я вывод. – Скорее всего, он и есть следопыт. Не будь его, никакого преследования бы и не было. Опасен только тот, второй, который в кустах. Стоит и наблюдает! А проводника своего подставил, – обдумывал я положение своих противников. – И собака со вторым. Ничего, скоро и он покажется, просто надо подождать».

Я не ошибся, минут через пять показался на берегу и второй. Это был худой, долговязый, одетый в камуфляжную форму человек. На груди у него висел бинокль, а в руках он сжимал израильский пистолет-пулемёт «Узи».

«Но где же собака? Без неё по следу, да ещё ночью идти невозможно». Тут я услышал визг привязанной на берегу собаки.

«Они тут все в сборе, – усмехнулся я про себя. – Узнать бы, что им от меня надо?»

Наверняка, оба преследователя чувствовали, что я за ними наблюдаю. Во всяком случае, вели они себя насторожено, то и дело